

Борис Алексеев

Три товарища

Нет уз святее товарищества!
Отце любит свое дитя,
мать любит свое дитя,
дитя любит отца и мать.
Но это не то, братцы:
любит и зверь свое дитя.
Но породниться родством по душе,
а не по крови, может
один только человек.

Н. В. Гоголь

Борис Алексеев

Три товарища

«Издательские решения»

Алексеев Б.

Три товарища / Б. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859685-8

Книга «Три товарища» — ещё один проникновенный текст о крепкой мужской дружбе, для которой девиз мушкетёров короля «один за всех, и все за одного» не пустая игра слов, но руководство к действию. А пришло это выражение в русский язык из бурлацкого фольклора и зафиксировано оно в словаре В.И.Даля «Стоять всем за одного и одному за всех».

ISBN 978-5-44-859685-8

© Алексеев Б.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Переплетение судеб	6
Глава 1. Ночная переделка	6
Глава 2. Степанов мебельный салон	8
Глава 3. Под самое небо	10
Глава 4. Разговоры, разговоры...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Три товарища

Борис Алексеев

© Борис Алексеев, 2017

ISBN 978-5-4485-9685-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Переплетение судеб

Глава 1. Ночная переделка

Степан шагал по гулкому ночному коридору Большой Ордынки, то пританцовывая, то загадывая количество шагов до очередного фонаря. Случайный прохожий, оказись он рядом, наверняка бы решил, что праздный гуляка пьян или, на худой конец, влюблён. Но улица была пуста, и полуночное дефиле тридцатидвухлетнего бесшабашного москвича (приезжие так себя не ведут!) долгое время оставалось никем не замеченным, если не считать любопытных переглядов бессонницы за мутными занавесками чёрных окон.

– Сволочи!.. – из переулка шагах в двадцати от Степана вырвался сдавленный мужской голос, сопровождаемый сопением и глухими ударами.

Стёпа бросился на крик стремительно, будто ждал случая проявить в ночи мужскую доблесть и благородство.

Три сопляка повалили большого грузного мужчину. Двое добивали жертву ботинками, а третий шарил в большом коричневом портфеле, из-за которого, видимо, и случилась грызня.

– Бабло! Стручки, бабло! Рвём!.. – заорал пацан, стигаясь пополам над шоколадным трофеем. Он уже привстал и готовился бежать, но в этот миг Стёпа размашистым апперкотом снёс парня, выхватив на лету добычу.

– Ах ты, су... – один из двух «степистов» прыгнул в ноги рослому Степану. Сверкнул нож. Стёпа отскочил на шаг и ударом тяжёлого портфеля по голове прибил нападавшего стручка к асфальту. Бросив портфель в сторону, он схватил парня за руку, ловко вывернул кисть и заставил отпустить нож.

– А-а! Руку сломал! – взвыл пацан, перекатываясь по асфальту.

Третий парень хотел бежать, но страх так сильно сковал беднягу, что тот медленно сполз по стене дома и как подрубленное дерево, цепляясь ветвями рук за выступы фасада, повалился на тротуар. Он так и остался лежать, наблюдая за Степаном глазами, полными щенячьего подросткового ужаса. От парня во все стороны поползло тёмное сырое пятно, посверкивая на незатопанных бугорках новенькой, укатанной накануне асфальтовой крошки.

Степан протянул пострадавшему мужчине руку, предлагая подняться.

– Пойдёмте, – сказал он, сдерживая волнение, – кто знает, сколько их ещё.

Мужчина, крихтя и держась за стену, поднялся, перешагнул через мокрого стручка, отыскал глазами и поднял портфель. Затем, опираясь на руку Степана, он сделал неуверенный шаг в сторону:

– Пойдёмте. Кажется, вы меня крепко выручили.

Степан окинул прощальным взглядом переулок и, поддерживая под руку помятого великана, зашагал прочь. Один раз ему всё же пришлось обернуться. Парень, похожий на подстреленного волчонка, полз в темноту переулочка и жалобно выл:

– Бабло, бабло хиляет...

Они шли по пустынной Ордынке. Спасённого мужчину то и дело рвало. Каждый раз, вытирая платком лицо, он виновато поглядывал в сторону Степана и говорил: «Простите, не знаю, что со мной». «А я знаю! – улыбался в ответ Стёпа, пытаясь расштопать неловкость момента. – Вы поскользнулись, упали, к вам подбежали пионеры, хотели втроём поднять дядю. Тут явился я и, как всегда, всё испортил!»

– Я не могу идти, – мужчина присел на выступ фундамента и вытянул вперёд правую ногу, – кажется, они мне повредили коленку.

– Спокойно, концентрируем внимание! – Степан взмахнул руками, превращая ладони в источники положительной энергии. – Абра-вибра-таксомоторра!..

Действительно, буквально через пару секунд со стороны метро «Третьяковская» вынырнула машина с зелёным огоньком.

– Что я говорил! – Степан приветливо махнул рукой кому-то в небе. – Едемте ко мне, вас надо привести в порядок.

Расположив спутника полулёжа на заднем сидении, он подсел к водителю. В это время метрах в ста от машины из переулка вывалилась толпа пацанов. За головами первых Степан увидел одного из трёх битых стручков. Сверкнули металлические прутья. «Мобильные ребята, – присвистнул Стёпа и, обернувшись к водителю, с ленцой в голосе добавил: – Шеф, видите вон ту группу подростковой молодёжи? Да-да, вон ту, с фрагментами металлической ограды? Лично мне они напоминают ваганьковский бюст Япончика, расколотый и розданный братве на сувениры».

– Мне тоже! – хохотнул таксист.

– Однако нам пора, – Степан заметил, что толпа развернулась к машине. – Большая Татарская, двадцать. Гони!

Такси взвизгнуло протекторами и, набирая скорость, угрожающе двинулось навстречу ораве молокососов, запрудивших Ордынку. Не ожидая атаки, те шарахнулись в стороны, и «абра-вибра-таксомоторр» беспрепятственно промчался сквозь стрельчатый кордон металлических прутьев в сторону Серпуховки.

– Наш человек! – Степан одобрительно хлопнул таксиста по плечу. —Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели!

Глава 2. Степанов мебельный салон

Одной рукой придерживая портфель, другой цепляясь за перила, мужчина поднимался по бесконечно долгому лестничному маршу. Несколько раз Стёпа предлагал ему помощь, но получал вежливый отказ.

– Ну и правильно, – заключил Степан, – на мелководье спасение утопающего – личное дело его собственных рук. Если увидел чайку, надо не мешкая встать на четвереньки, упереться руками в дно и ползти к берегу. Главное – правильно выбрать направление!

– Будет вам смеяться, – улыбнулся мужчина, – лучше примите портфель. Деньги – штука тяжёлая.

Они поднялись на третий этаж и вошли в опрятную коммунальную квартиру. некогда просторный коридор, уставленный древними шкафами и тумбочками, напоминал мебельный зал антикварного магазина. Прихожая расходилась на два отдельных коридора. Один вёл на кухню, другой – куда-то в глубину квартиры, видимо, в ванную комнату. Особый запах исторической мебели свободно гулял из одного коридора в другой по узким проходам между стеклянными и глухими дверцами шкафов.

– Это всё моё! – опережая вопросы, сказал Стёпа. – Не могу ничего с собой поделаться, как увижу что-то старое, бегу занимать деньги. А-а, вот и мои девоньки!

В дверях, расположенных друг напротив друга, показались две сморщенные старушечьи головки. На одной из них пестрел расшитый бисером голубой сатиновый платочек, на другой возвышался старомодный белоснежный чепец. Держался чепец на двух лентах, завязанных в узел под подбородком.

– Разрешите вам представить: Авдотья Эрастовна, – Степан сделал реверанс в сторону старушки в сатиновом платочке, – и несравненная Пульхерия Модестовна!

Он подал руку старушке в чепце, и та, нимало не смущаясь, вышла в своей длинной белой ночной рубахе на середину коридора и обратилась к гостю в дверях:

– Вы чаю будете?

– Пульхерия Модестовна, вы великолепны! – дружелюбно захохотал Степан и вдруг принял серьёзный и даже несколько растерянный вид.

– Дружище, а ведь мы с вами даже не познакомились. Я не представился, не предложил сесть, вам же больно стоять! Вместо элементарного человеколюбия устроил цирк. Прошу меня простить, – он протянул руку, – Степан.

– Георгий, – ответил мужчина, пожимая Степану руку и одновременно оседая на предложенный табурет.

– Пока готовится чай, я провожу вас в ванную. Вам надо тёплой водой хорошенько смыть признаки асфальтовой болезни и переодеться. Здесь у меня куча одежд брата, он такой же, как вы, толстый, могучий и, наверное, умный. Пойдёмте.

Несравненная Пульхерия приготовила чай на изящный старорежимный манер. Она любовно накрыла стол на две персоны, разложив ложечки, щипчики для сахара и всевозможные розетки для варенья, мёда и орехов. Не признавая чайные пакетики, старушка заварила из смородиновых листьев ароматный чай цвета чеховской вишни. Накрыла заварной чайник забавной ватной куклой и рассыпала по вазочкам недорогие конфеты и пастилу. Когда всё было тщательно приготовлено, она что-то шепнула Степану на ухо. «Хорошо-хорошо», – ответил ей Стёпа. Затем Пульхерия Модестовна лёгким наклоном головы попрощалась с гостем и вернулась в свою комнату.

Георгий, переодетый в чистую добротную одежду, походил на благополучного буржуа, спустившегося из рабочего кабинета в гостиную на зов распорядителя чайной церемонии. Он ещё прихрамывал, но повреждённая коленка после ванной процедуры вела себя вполне при-

лично. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, – это были синяки на правом боку, вздувшиеся после ударов ботинками. Ботинки были, видимо, с металлическими набойками, потому что кроме синяков на коже остались царапины. И это несмотря на велюровый пиджак и плотную фланелевую рубашку.

– Георгий, давайте на «ты», в бою так проще! – улыбнулся Степан, наливая гостю чай.

– Какой из меня вояка, писарь я мелкотёртый. Кроме кисточки да ложки никакого другого оружия в руках и не держал.

– Художник, что ль?

– Вроде того. А вы, простите, а ты?

– Я? Да я и того хуже. В советское время служил журналистом. Как скинули с социалистического броневика батьку Ленина со всем его учением, подался было по совету Бендера в управдомы. Но в ихнем капиталистическом общежитии место мне нашлось только в гардеробе. Стал я всякой сволочи польты подавать. Они мне чаевые суют, а я не беру. Один раз, правда, попробовал, больно жрать захотелось, так совесть желудком пошла. Облевал я, прости Господи, евойного песца по самое немогу. Тот в скандал, вцепился, как клещ, всю грудь мне моей же блевотиной, гад, и перепачкал. Я ему говорю: «Отойди, дядя» – не понимает. Ещё раз говорю: «Отойди, родной!» – не понимает. Третий раз повторяю, но уже со всего размаху. Падает, кричит. Ну, все ко мне. А меня уже разобрало. Тут теннисный мячик подвернулся. Схватил я его, поднял руку и ору: «Стой, мразь постсоветская! Взорву всех на хрен!». Так не поверишь, попадали от страха, друг за дружку попрыгали, ну прям как сардины, ежели косяк затратить! Противно стало. Плюнул я на их сытый гардероб и ушёл. И теперь... Разрешите представиться: лишний человек. Ни работы, ни друзей, полна горница старух. На их чаевые и живу. Знаю, что похоронные, ан не рвёт, как от тех новороссийских соплей, – загадка!

– Выходит, я жирую там, где ты лапу сосёшь, – задумчиво произнёс Георгий. – Я, Стёп, церковный художник. При Советах жить трудом на церковь – нельзя было и думать. Теперь – пожалуйста! Кстати, вон в том портфеле, – Георгий указал на коричневое пятно, брошенное в прихожей, – двадцать четыре тысячи рублей. И хотя по большей части это не мои деньги, ты можешь ими распорядиться как своими. Добыл их ты, значит, они принадлежит тебе.

Георгий умолк и занялся новой порцией чая.

– Вроде как контрибуция, что ли? – ухмыльнулся Степан.

– Ну да, вроде того.

– Э-э, нет, эдак мы и до людоедства дойдём, ежели будем друг на друга как на добычу смотреть. А потом, Егор, – ничего, если я так, по-простому? – ты же сам их спровоцировал. Шляться ночью по голодной Москве со сладким пирогом! Да тут не то что зверя, тут человека можно раздражить до зверя. И ещё. Бандит – точно такой же продукт эволюции, как и ты, только ты художник и получил в наследство от Фидия нюх на красоту, а он получил от Бендера или самого Соломона нюх на деньги. Чему ж тут удивляться?

– Степан, давай святых не трогать. У них с миром свои расчёты.

– Прости, увлёкся. Э-э, да ты спишь! Звони, чтоб тебя не ждали, – и баиньки. Пойду постелю.

– Да мне, собственно, звонить-то некому. Живу один, как Фидий.

– Как и я! Журналист из несуществующей газеты уже несуществующей страны. Бр-р! Во ляпнул, врагу не пожелаешь...

Глава 3. Под самое небо

Наступило утро. Степан взялся угостить Егора настоящим бразильским кофе.

– Ваши планы? – спросил он, выслеживая пенку.

– Мне надо в храм. Вы, милостивый государь, отказались взять деньги. Значит, мне следует отнести их по назначению и раздать художникам.

Степан резко обернулся к Егору.

– А если бы я принял положенную мне контрибуцию, что бы вы, милостивый государь, делали тогда?

– Пошёл бы в банк и оформил ссуду.

– За проценты?!

В это время вспенился коварный бразильский кофе. Стёпа бросился к кофеварке. Егор с любопытством наблюдал, как сто граммов латиноамериканского порошка повергли в трепет бесстрашного героя ночной переделки.

Когда остатки кофе наконец были разлиты по чашкам, Степан попросил:

– Возьми меня! Нет, правда, возьми меня с собой в церковь, – он спрашивал и одновременно о чём-то думал. – Я – худой материалист, в смысле, хороший безбожник. Но в последнее время со мной происходят странные вещи. Иду, чувствую, будто ветер в спину. Что такое? Гляжу, впереди церквушка посверкивает. Подхожу. Постою-постою у ворот да иду дальше. Неловко. Внутри-то весь чужой. А как отойду от неё, ветер давит на грудь: «Стой, – говорит, – человеку, не пушу одного!». Нелепо как-то. Что скажешь?

Егор посмотрел на Степана, с минуту подумал и ответил:

– Правда смешной не бывает. Или ты всё это придумал, или тебе вправду нелепо, а признаться в этом страшно. Ты – человек сильный, страхам волю не даёшь. Но за всякое насилие, тем более за насилие над самим собой, нормальному человеку становится так или иначе неловко перед Богом, даже если он считает, что Бога нет. Это как кичиться силой в присутствии силача.

– Ого! Будет о чём поговорить за рюмкой чая! – Степан откинулся на спинку стула. – Ну так что, берёшь?

– Едем.

Они вышли из метро «Арбатская» и направились в сторону Калининского проспекта. Под огромной многоэтажкой ютилась древняя пятиглавая церковка. Купола, крашенные в зелёную строительную окись хрома, сверкали на солнце. Белёные стены празднично выделялись на сером фоне городской застройки.

– Нам сюда? – Степан поглядывал на храм через плечо Егора.

– Ну да. Запоминай: храм преподобного Симеона Столпника.

– Преподобного Симеона Столпникова.

– Да не Столпникова, а Столпника, столп, понимаешь?

– Ладно. Насчёт «понимаешь» – это ты круто. И что, мы прямо в храм зайдём сейчас?

Егор внезапно остановился.

– Ты сам как думаешь, зачем мы здесь?

– Прости. Собрался.

Егор перекрестился, открыл дверь и прошёл в храм. Степан на уровне груди произвёл какие-то полумагические движения и последовал за Егором.

Полумрак трапезной залы, аромат кадящего ладана и тихие шёпоты прихожан необычайно сильно подействовали на Стёпу. Отсутствие «предрассудков» и ощущение собственной интеллектуальной значимости, проще говоря, то, что всегда защищало его от давления окружающей среды, вдруг пошатнулось и стало на глазах рассыпаться, как картонные пазлы. Ничего

подобного он не ожидал. Он стал задыхаться. Не чувствуя ни аромата благовоний, ни приятной свежести работающего кондиционера, Степан буквально вывалился наружу. Минут пять он приходил в себя. Кровь стучала в висках, а руки походили на две переломанные жердины, не способные держать даже легчайший рюкзачок, с которым он никогда не расставался, выходя из дома.

«Не дури, паря. Повернулся и пошёл в храм!» – приказал себе Степан и на автомате поспешил обратно.

– Ты куда пропал? – шепнул ему на ухо Егор. – Пойдём, покажу главное.

Он повёл Степана из трапезной в четверик, где металлические леса и деревянные лестницы затейливо, как змейки, поднимались вверх под самый купол. Четыре нешироких оконных проёма наполняли храм тихим рассеянным светом. Сквозь полумрак вертикали можно было разглядеть фрагменты живописи на своде. Всё это придавало пространству четверика неземное очарование, а строительные конструкции воспринимались как части некой космической матрицы.

– Здорово! – не удержался от восторга Степан. – А можно туда?

– Можно, только осторожно. Смотри под ноги, – ответил Егор и полез на высоту первым.

На последнем, шестом ярусе лесов, под самым куполом храма Егор включил софиты. Свод мгновенно ожил и заиграл красками. Степан от неожиданности чуть не повалился обратно в люк. Ему показалось, что молчаливое до того звёздное небо вдруг очнулось и заговорило на тысячу разных голосов. Егор был доволен. Он хорошо знал, как действует церковная каноническая живопись при лобовом столкновении с житейским мироощущением. Это эмоциональный шок! Будто сама Вселенная взлетает высоко вверх и расправляет над вами голубой зонтик. Такое переживается, как говорят, только в натуре. Ни одна литературная схоластика (общение со Вселенной всё прочее обращает в схоластику!) не в силах описать и сотую долю этого неожиданного чувства.

– И что, вы каждый день здесь среди всего Этого?.. – Степан с трудом находил правильные слова.

– Сначала были просто пустые стены. Впрочем, не совсем так. Когда долго смотришь на стену, начинаешь видеть в ней скрытые изображения. Тут важно не торопиться. Храм – это, по сути, небо на Земле, райский Эдем. Обустраивать Его по своему разумению нельзя. Надо уметь всматриваться и вслушиваться...

– Красиво говоришь, – перебил Егора Степан, – но твои ля-ля, уж прости нас, дураков, мне профнепригодны. Сколько ни стой я перед пустой стеной, ничего, кроме серой штукатурки, не увижу. Выходит, чуют Божественное присутствие – дело избранных. Так, что ли?

Степан незаметно для себя пересел с крылатого Пегаса на привычногосамодовольного конька и почувствовал внутреннее облегчение. Голова перестала кружиться. Ощущение чуда исчезло. Вихрь космического миропорядка вдруг превратился в статичный видеоряд непонятных цветных картинок.

– Ладно, – Стёпа для приличия ещё раз оглядел свод и, не дожидаясь ответа Егора, начал спускаться.

– Будь осторожен...

Не успел Егор договорить фразу, как услышал грохот и плеск разливающейся жидкости. Он сбежал по ступенькам и увидел Степана, застрявшего в проёме строительных лесов, выпачканного с головы до пят серой краской. Над его головой, на узенькой площадке, покачивалось опрокинутое ведро. Слой густого серого концентрата, посверкивая в свете ramпы, медленно стекал по ступенькам за шиворот новоиспеченного «художника». Но самое забавное заключалось в том, что Степан, преодолев испуг, обиду и неловкость положения, широко улыбался и казался совершенно довольным. Егор невольно улыбнулся в ответ Степану:

– С крещением!..

Через полтора часа отмытый и переодетый Степан пил чай в крохотной чайной комнате, выгороженной в трапезной храма гипсокартонной фальшстеною.

– Скажи честно, зачем ты разлил краску? Она денег стоит, – Егор глядел на Степана, невозмутимо расщёлкивающего одну баранку за другой.

– Да как тебе сказать. На меня вдруг такая серость напала! Что же это, думаю, опять меня учат, как школяра. Неправда, нет тут никакого Бога! Вечно мы путаем врождённое правдоискательство и наше неистребимое желание всё, даже собственную жизнь, утвердить у начальства. И так-то меня разобрало. Не-ет, думаю, не отдам я вам мою личную свободу, себе оставлю! С этими словами я вспорхнул, как птица, с лестницы и...

– И приземлился, так сказать, в свободном падении.

– Да, именно так.

– Знаешь, как называется краска, которую ты использовал?

– У этой бесцветной грязи есть название?

– Есть. Эта краска называется рефть. Запомнил?

– Так я и знал...

– Ничего ты не знал! – рассмеялся Егор. – Эта бесцветная грязь – знатная штука. На ней вся наша живопись держится.

– Что-то вроде глины для человеков?

– Верно! Рефть кладётся под синий цвет, под красный, иногда даже под жёлтый. И если эту «грязь» поварить с охрой, чтоб вышло теплее, или наоборот остудить, добавив голубца, – поверь мне, живопись начинает благоухать, как борщ на плите!

– Согласен. Сегодня я Богу проиграл. Ничего! Предлагаю Всевышнему серию из двадцати партий до одиннадцати побед. В случае ничьей победа присуждается мне как младшему по возрасту!

– Типун тебе на язык, товарищ Бендер. Нам пора.

Глава 4. Разговоры, разговоры...

Они стояли за небольшим круглым столиком в кафе-пирожковой на углу Вальной улицы и небольшого переулочка, идущего вдоль фабрики «Парижская коммуна» к обводному каналу. Место было простое, привокзальное, рабочее. Только что закончился пересменок на «Парижке». Через витрину кафе наши друзья наблюдали, как женщины по одной выходили через турникеты на улицу и молча, не прощаясь друг с другом, разбредались кто куда. Им навстречу спешили новые толпы работниц. Это были свежие энергичные дамочки, они кокетливо поправляли повязанные на головах платочки и весело болтали, поднимаясь по ступеням парадного крыльца к дверям фабрики.

Редкие мужчины (обувная «Парижка» – фабрика женская) неловко просачивались между теми и другими и торопливо шли в пирожковую. Здесь они брали пиво и, раскурив «Беломор» или «Приму», чинно приступали к питейному разговору. После второй-третьей кружки мужики ненадолго исчезали и возвращались с оттопыренными карманами, из которых выглядывали остроконечные жерла сорокоградусных гаубиц. И тогда начинался реальный бой с обстоятельствами этой унылой и однообразной жизни, бой безжалостный, до последнего копейного патрона.

– Может, пойдём отсюда? – произнёс Егор, вглядываясь в пустую, будто вымершую проходную. – Тысячи литров свежего пышногрудого горячего только что проглотил этот огромный «парижский» монстр. Сейчас он урчит, внутри него всё движется. А через восемь часов откроет он свои проходные, выпустит отработанный человеческий материал и зальёт новую партию дамской силы.

– А у тебя разве не так? – прищурился Степан, отхлебнув пиво. – Утром, полный сил и творческих замыслов, тыходишь в храм. А вечером, смертельно уставший, сползаешь с лесов и тащишься домой, пересчитывая в метро каждую ступеньку.

– Так и не так. Моя работа – живой, не книжный диалог с Богом. Я пытаюсь с Ним говорить в меру моих скромных сил, Он же пытается мне ответить в меру моей понятливости. А тут станок, план, выработка.

– Опять слышу, прости, вечное интеллигентское ля-ля. Народник нашёлся! Выходит, ты такой же «люден», как и братки Стругацкие, или, на худой случай, «прогрессор»? Мы – особенные, мы допущены говорить с Богом! Не то что эти свистушки у станка, расходный материал для репродуктивного производства.

– Прекрати!

– А что, не так?

Егор приготовился произнести монолог о корневом человеколюбии, как вдруг огромный рыхлый мужик, мирно дремавший за соседним столиком, стал сползать вниз и терять равновесие. Не просыпаясь, он повалился на Степана и, падая, рукой смахнул со столика наших героев весь их нехитрый натюрморт. Четыре кружки и пара тарелок с креветками вдребезги разбились. «Эй, вы там! Ну, блин!.. – взвизгнула женщина за прилавком. – Деньги на бочку за раскол посуды!»

– погоди ты! – огрызнулся Степан на крикушу. – Егор, пособи.

Наши герои подхватили мужика за плечи и, отшвыривая ботинками в сторону битое стекло, оттащили его поближе к выходу. Мужик продолжал спать, привалившись спиной к стене и широко раскинув длинные толстые ноги. Посадить беднягу оказалось не на что, в зале не было ни одного стула.

Покончив с человеколюбием, наши друзья стряхнули с одежды брызги пива, расплатились с буфетчицей за раскол посуды и поспешили к выходу. На улице Степан расхохотался.

– Знаешь, чего мне сейчас жалко? Думаешь, пива с креветками? Н-нет! Жалко, что я ничего не знаю про того мужика на полу. Может, мы русским Диогеном пол в пивнушке подтёрли! Нехило?

– Нет, такой в бочку не влезет, – усмехнулся Егор.

– Точно Диоген! – Стёпа шлёпнул себя ладонью по лбу. – Помнишь, она ещё сказала: «Деньги на бочку!». Они друг про друга всё знают. А мы с тобой как чужие среди собственного народа. Анализируем, экстраполируем, а они знают!

С минуту Степан молчал.

– Они знают, что будет с ними завтра, – ничего не будет, если, конечно, какой-нибудь люден вроде нас с тобой не позовёт их на войну или не устроит им новый Беломорканал. Лишнего, сверх житейского, им знать необязательно, даже нежелательно. Они радуются, когда приобретают, и плачут, когда теряют. Они тиранят собственных детей, воспитывая их под себя, копируя в новые силы свой огрубевший с годами менталитет.

– Тебя понесло. Я встречал немало светлых людей среди простых прихожан. Однако то, о чём ты говоришь, меня самого давно занимает. С некоторых пор я перестал понимать смысл эволюции.

В юности меня увлёк образ славного Руматы Эсторского, этакого просвещённого гуманиста из будущего. И только много позже потребовалась чеченская война, чтобы я наконец осознал весь ужас того, что совершили Стругацкие. Ведь целые поколения думающих людей они заманили в тупик, из которого выход только один – смерть.

– А ну-ка с этого места подробнее! – Степан присел на парапет уличного ограждения.

– Пожалуйста. Много лет я был очарован идеей эволюционного преобразования человека из варвара в истинного гуманиста. Я бы назвал это заблуждение «дарвинизм а-ля Стругацкие». И мой зомбированный разум не смущали, так сказать, исторические противопоказания. Я изучал великое искусство Египта, античность, русскую икону. И мне не приходило в голову простое соображение: если мы такие продвинутые и во всём превосходим наших далёких предков (ведь мы на новом витке спирали), почему же в искусстве мы не можем совершить и сотой доли того, что сделали они, тёмные представители прошедшего времени? Я понимаю, развитие наук и технологий – это козырь. Вот оно, светлое будущее! И мне не придётся больше выгребать фекалии из ямы во дворе. Изящный унитаз «а-ля Гауди» по форме моей задницы всё сделает за меня в лучшем виде. Так вот. Стругацкие, как два чёрных кардинала, выстраивали таких, как я, гуманоидальных технократов в шеренги, вручали им автомат-ассенизатор Калашникова и говорили: «Впереди светлое будущее – в атаку!». Братья были уверены, что никто из новобранцев не развернётся и не нажмёт на спусковой крючок в другую сторону, потому что все хотят сытно жрать и баловать ум щекотливыми прожекторами. А братки им с каждой новой книжкой подбрасывали одну и ту же мысль: там, в светлом будущем – всё самое интересное и сытое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.